

Г. К. Всеволожский

Отставные офицеры Петровской армии и Герольдмейстерская контора Сената: условия и характер взаимодействия

В современной историографии России раннего нового времени значительное внимание уделяется вопросам функционирования и повседневного делопроизводства государственных учреждений¹. Подобные исследования позволяют увидеть, как на практике осуществлялось управление Российским государством, с какими трудностями сталкивался чиновничий аппарат и как с течением времени менялись отношения между человеком и государством. Большой интерес у исследователей вызывает Герольдмейстерская контора Сената. Это учреждение, созданное в 1721 г. вместо Разрядного стола Сената, помимо геральдических выполняло функции учета служилых людей. На практике это выражалось в организации смотров недорослей, контроле над офицерами-отставниками, подготовке справок для Сената. Материалы Герольдии дают много сведений о процессе консолидации российского дворянства, активно привлекаются для изучения Генерального смотра 1721–1723 гг.², Манифестов 1736³ и 1762⁴ гг., а также развития школьного образования в России⁵.

Вместе с тем остаются неизученными вопросы взаимодействия Герольдии с отставными офицерами. Известно, что офицеры, закончившие службу в регулярной армии, должны были являться в Герольдмейстерскую контору для определения к гражданским службам. Однако до конца неясно, как принималось решение о новом назначении, какое влияние на него оказывали сами офи-

церы, в чем заключалась роль служащих Герольдии, наконец, как долго принималось решение. Кроме того, практика показывает, что зачастую в Герольдию приходили лица, отставленные со службы достаточно давно. Их прошения также заслуживают внимания.

Не стоит забывать и тот факт, что исследование коммуникации, возникающей между отставным офицером и служащим Герольдии, может позволить по-новому взглянуть на характер власти в России XVIII в. Именно в повседневных практиках следует искать ответ на вопрос о соотношении личности и государства, их потенциальном конфликте или сотрудничестве, наконец, о возможностях человека повлиять на свою судьбу.

В качестве основного источника нами использовалась книга дел Герольдии за 1727 г. Изучаемые в работе дела⁶ (всего 50) имеют схожую структуру. Начинаются они с иницилирующего работу документа (для только что отставленных от службы офицеров — это промемория Военной коллегии, для прочих просителей — челобитная). Далее следует экстракт, краткое содержание дела. Экстракты составлялись служащими Герольдии для сенаторов, которые и принимали решение по вопросам челобитчиков и отставников. В экстрактах, помимо сокращенной версии иницилирующего документа, присутствовали справочные сведения, взятые либо из архива Герольдии, либо из «сказок», собираемых, как правило, у всех входящих в контору лиц.

В первой части статьи разобраны условия, при которых происходило взаимодействие отставника и Герольдмейстерской конторы. Под условиями в данном случае понимаются такие объективные характеристики, как место, время и причина коммуникации. Во второй части статьи проанализировано, каким образом офицеры пытались повлиять на принятие удовлетворяющего их решения и какую роль играли в этом служащие Герольдии.

В 1727 г. в Герольдии было 13 служащих и 4 повытья⁷. Вопросы отставных офицеров решались в повытье Гаврилы Яковлева, который 12 августа 1727 г. был произведен из подканцеляриста в канцеляристы⁸. Известно, что в 1725 г. дела, связанные с отставными штаб- и унтер-офицерами, велись в повытье канцеляриста Ивана Сахарова, однако летом 1725 г. тот отправился в Москву по личным делам, а вскоре был выведен за штат⁹. Дела его повытья в первой половине 1726 г. вел другой канцелярист — Иван Бушуев. Впрочем, и Иван Бушуев вскоре покинул контору, отправившись в июле 1726 г. в Москву «для своих нужд»¹⁰.

Гаврила Яковлев не стал менять традиционную схему ведения дела. После получения челобитной или промемории он подбирал указы и распоряжения, которые определяли порядок работы в той или иной ситуации¹¹. В случае, если дело должно было решаться не в конторе, а в Сенате, Гаврила готовил экстракт, в котором кратко пересказывал содержание дела.

Что интересно, экстракты Гаврилы Яковлева были более многословными в сравнении с экстрактами Ивана Бушуева. Особенно это заметно на примере

обращения с информацией сказок. Иван Бушуев брал из сказки только 2–3 характеристики челобитчика, чаще всего социальное происхождение, возраст и грамотность, приписывая эту информацию на полях рядом с именем офицера. Гаврила Яковлев делал отдельную выписку из сказки, где указывал и полки службы, и даже некоторые доблести просителя. Отобранные таким образом сведения Гаврила помещал не на полях, а в самом тексте экстракта.

Остановимся подробнее на сути разбираемых нами дел. Из 50 дел половина относится к отставным офицерам, присланным из Военной коллегии с прошениями для определения к статским делам. Всего в 25 делах (50%) фигурирует 37 отставников. Еще 6 дел (12%) посвящены отставникам, присланным не из Военной коллегии, а из других ведомств. Следующие 3 дела (6%) являлись ответами на сенатские запросы. Еще 16 дел (32%) были инициированы прошениями отставников. С какими же вопросами приходили в контору эти люди? Анализ показывает, что обращения могли затрагивать широкий круг вопросов, связанных со службой. Это и просьбы об отставке от статских дел, и просьбы уже окончательно отставленных офицеров об определении их к пропитанию в монастырь. Встречались также прошения о временном отпуске со службы для сыска беглых крестьян или для решения наследственных вопросов, об отпуске домой из-за долгого нахождения в Санкт-Петербурге и, как следствие, разорения. Достаточно часто можно увидеть прошения о вторичной даче паспорта.

Поход в Герольдию для служилых людей первой половины XVIII в. имел большое значение. Вопросы имущества и службы, с которыми приходили в контору отставники, были для них насущными и важными. Трудно недооценить стремление обер-комиссара Анисима Иванова сына Березникова, у которого сбежали 137 крестьян, получить временный отпуск для ведения сыска¹². Такой же временный отпуск был необходим капитану Астафию Степанову сыну Бобынину, у которого в Москве находилась дочь, временно живущая у его брата Игнатия Бобынина. Как следует из челобитья от 2 августа 1727 г. «ныне брата его [Игнатия] Волею Божию убила параличная болезнь, от которой болезни оный брат лежит при смерти в беспмятстве, а жены и детей у него нет же...»¹³ А для капитана Алексея Федорова сына Чемоданова, отставленного от военной службы в 1723 г. из-за многочисленных болезней¹⁴, однако после этого служившего еще 4 года рентмейстером, увольнение от службы было вопросом сохранения остатков здоровья и, вероятно, жизни.

Важной была явка в контору и для офицеров, только получивших отставку от Военной коллегии. Конечно, службе в армии сопутствовали определенные трудности и опасности, однако она давала некоторую стабильность: жалованье, питание и крышу над головой. Теперь же отставники оказывались в совершенно новой ситуации. Конечно, наличие имения могло помочь поддерживать дворянский образ жизни, но многие отставники вообще не имели крестьян¹⁵, а стало быть, их пропитание теперь зависело от новой статской службы. Здесь

необходимо прояснить действующую в России того времени практику перевода офицеров на гражданскую службу после отставки от военной. Получив на смотре в Военной коллегии отставку, они вынуждены были ждать решения от Герольдмейстерской конторы об их дальнейшем определении «к делам». Как правило, по результатам описываемой в статье процедуры Сенатом принималось решение о том, к какой группе дел подходит офицер¹⁶. После определения к одной из таких групп отставника отпускали в дом с «паспортом», о чем делалась запись в Герольдмейстерской конторе. При получении Герольдией указов о потребности в людях для замещения тех или иных статских должностей, служащие конторы составляли перечень кандидатов, куда включались отпущенные в свои дома отставники. На полную отставку могли претендовать только офицеры, присланные в Герольдмейстерскую контору за негодностью уже от гражданских учреждений.

Рассмотрим подробнее длительность процесса принятия решения. Данный вопрос, несмотря на кажущуюся простоту, вряд ли предполагает однозначный, удовлетворяющий всем случаям ответ. Более того, вряд ли цифра, данная без общего контекста, позволит нам понять хоть что-нибудь. Поэтому, не отказываясь от статистики полностью, мы сфокусируем внимание на самой процедуре рассмотрения дела в Герольдии.

Наш разбор будет начинаться с момента регистрации челобитной или промемории, что само по себе является достаточно условной границей (челобитные явно писались заранее). После прибытия в контору от отставника требовалось подать сказку. Происходило это, как правило, не сразу, а в течение нескольких дней. После подачи сказок начиналась работа канцеляриста, использующего их для составления экстракта. Далее экстракты рассматривались в самой Герольдмейстерской конторе, и герольдмейстер приписывал, к каким делам следует определить отставника. Приписки содержали следующие варианты: «в валовой»¹⁷, «к делам»¹⁸, «годится к лучшим делам»¹⁹, «годится к делам небольшим»²⁰. После этого экстракты попадали в Сенат, где на их основе сенаторы выносили решение. Так, слушание, посвященное делу Якова Постельникова, прошло через 5 дней после подачи им сказки²¹. А вот заседание, на котором разбиралось дело Ивана Анненкова, состоялось через 16 дней после подачи сказки²². Такое различие в скорости принятия решения связано не с сутью дела, а с тем, что доклады герольдмейстера в Сенат проходили всего 1–2 раза в месяц. Поэтому одни отставники вынуждены были ждать решения достаточно долго, в то время как другие получали его почти сразу.

Впрочем, вынесение решения еще не означало окончания работы над делом. Приговор сенаторов должен был быть закреплен в сенатской резолюции, на создание которой в среднем уходила неделя. Наконец, резолюция попадала в Герольдию, которая должна была воплотить в жизнь решение сенаторов. Например, по сенатской резолюции от 10 ноября 1727 г. капитаны Бунин и Челюскин были отпущены в дом до указа. В связи с этим в Герольдмейстерской

конторе были подготовлены паспорта, которые отставные офицеры получили 15 числа²³. Выдача паспортов обычно проходила в течение недели после получения сенатской резолюции, однако были и исключения.

Приведенная выше характеристика процесса принятия решения показывает, что срок, в который решалось дело, мог быть очень разным. Каждый случай был индивидуален, высока была роль случайности. Тем не менее, обобщая все изученные дела, можно заключить, что в среднем от появления человека в конторе и до получения итогового документа (паспорта или промемории) проходил 1 месяц.

Каким образом отставники-челобитчики обосновывали необходимость своих просьб? Анализ челобитных показывает нам следующие практики. Во-первых, отставники далеко не с первых строк челобитной переходили к сути прошения. После начального протокола следовали так называемые «пункты», в которых содержалась информация о службах челобитчика, о том, когда и почему он получил отставку. Подобные сведения не относились непосредственно к сути дела и указывались, судя по всему, в целях самопрезентации отставника.

В целом же обоснования челобитчиков не отличались разнообразием. Просьба о временном отпуске или об окончательной отставке, отставные офицеры почти всегда говорили о тяжелых ранах и болезнях; прося о назначении или определении к монастырю — о бедственном материальном положении. Просьбы выдать новый паспорт, как уже говорилось выше, обосновывались либо кражей прошлого паспорта, либо его потерей.

Итак, аргументация челобитчиков, судя по документам, очень традиционна. В качестве оснований для удовлетворения своих прошений отставники прибегали к характерной для XVI–XVII вв. «страдальческой» самопрезентации, указывая не заслуги, а тяготы, понесенные на государевой службе. Однако о чем это говорит нам? Можно ли заключить, что петровские реформы, касающиеся развития и поощрения в служилом человеке его личных качеств, навыков и знаний, совсем не затронули их адресата? Или, быть может, такая «страдальческая» самопрезентация была лишь ритуалом, повторением формул взаимоотношения униженного просителя и государства, культивируемых в XVI–XVII вв.? Ответить на эти вопросы нам помогут сказки, поданные отставниками, присланными в Герольдию из Военной коллегии. Сказки, в отличие от челобитных, не содержали конкретной просьбы, однако мы уже показали то огромное значение, которое имело взаимодействие с Герольдией для только что отставленных офицеров. Стало быть, и сказка писалась с оглядкой на будущих читателей, тех, кто будет принимать решение о будущей службе отставника. Как уже говорилось выше, сказки подавались не только отставниками в Герольдию. В 1720–1721 гг. Военная коллегия собирала сказки у действующих офицеров. Попробуем сопоставить эти комплексы документов.

Для сопоставления с 37 сказками, поданными в Герольдмейстерскую контору в 1727 г., были взяты сказки офицеров Белгородского пехотного полка

(43 человека)²⁴. Сравнение показывает значительные различия в описании военной карьеры между отставными и действующими офицерами. В сказках офицеров Белгородского пехотного полка мы можем увидеть описания героических действий, причем сразу несколько видов. Это упоминания о взятии в плен вражеских офицеров (3 раза), о командовании подразделением, возможность возглавить которое офицер получал не по званию, а в случае неординарных обстоятельств (3 раза), о сражении в первом руде или в первой линии, т. е. в авангарде (2 раза). По разу упоминаются участие в посольстве, работа по строительству укреплений. В сказках, поданных отставниками в Герольдию, ни одно из этих героических действий нам не встретилось²⁵. Зато часты жалобы на здоровье (28 случаев).

Держа во внимании факт, что в сказках отставных офицеров намного чаще встречаются сетования на ранения и попадание в плен, отметим вместе с тем, как об этом сообщается. В нескольких случаях информация о ранении написана почерком самого офицера в самом конце сказки, сразу после «приложения руки». То есть, просмотрев и перечитав сказку, отставник пришел к выводу, что необходимо добавить именно эту информацию. Показателен пример капитана Григория Михайлова сына Куприянова, который, судя по промемории из Военной коллегии, был отставлен от службы из-за глухоты и французской болезни. В сказке, поданной в Герольдию, Куприянов пишет, что отставлен был «за болезнью», зато упоминает раны «в левую руку палашом да в правую ногу пулею», полученные под Сойкиной мызой. Упоминание ран в данном случае никак не связано с причиной отставки, а скорее работает на героический образ офицера, в отличие от французской болезни.

Кроме того, для 13 из 37 отставных офицеров, подавших сказки в Герольдию в 1727 г., нам удалось найти сказки, которые те подали в Военную коллегию в 1720–1721 гг. еще будучи действующими офицерами. Сопоставление также показало различия. Например, в сказках майоров Ивана Зыбина и Федора Лукина в 1727 г. появились упоминания о ранениях, полученных под Лохвицами и при Головчине соответственно. В более ранних сказках наших героев присутствовала информация только об участии в этих сражениях. Такое внезапное улучшение памяти, на наш взгляд, не случайно. Будучи действующими офицерами, майоры, конечно, могли надеяться на повышение. Рассказы о ранениях, реальных или мнимых, этому гипотетическому повышению не способствовали. Только выйдя в отставку и утратив возможность роста в звании, отставники могли начать говорить о всех перенесенных трудностях.

Приведенные выше данные убедительно показывают, что офицеры петровской армии хорошо понимали, что такое личная доблесть. Более того, они осознавали, что именно заслуги, а не раны способствуют продвижению по службе. Таким образом, то, что спустя 7 лет те же офицеры в своих жизнеописаниях возвращаются к «страдальческой самопрезентации», является не подтверждением тезиса о слабом влиянии петровских преобразований на обычных людей,

а скорее показывает живучесть канонов челобитных XVI–XVII вв. и первой трети XVIII в.

Таким образом, можно заключить, что представителям служилого сословия в первой трети XVIII в. в общении с властью необходимо было использовать разные системы самопрезентации. Нужно отметить, что делали они это достаточно эффективно, акцентируя внимание то на одних, то на других сторонах своих биографий. Однако имело ли это смысл? Всегда ли эти послания доходили до лиц, принимающих решения? Посмотрим на примере экстрактов, составляемых в Герольдмейстерской конторе, которые, как мы говорили выше, частично опирались на информацию сказок.

На самом деле уже то, что сенаторы имели дело не со сказками, а с экстрактами, само по себе уменьшало возможности отставников показать себя с лучшей стороны. Между офицерами, подбирающими подходящие эпизоды из своей биографии, и лицами, принимающими решения, вставал конторский служащий. Отметим, что разные канцеляристы имели свои индивидуальные стили работы. В этом случае уже упоминаемая нами многословность Гаврилы Яковлева давала дворянам больше надежды на то, что рассказы о их заслугах попадут в экстракт. Какую информацию сказок Гаврила Яковлев *обычно* включал в экстракт? Как правило, это сведения о социальном происхождении (шляхетское или какое-то иное), полках службы, годах повышений в звании, детях и имуществе.

Интерес вызывают как раз те самые нестандартные случаи, когда в экстракте помимо базовой оказывалась и дополнительная информация. Можно сказать, что случалось это нечасто. Из 37 сказок нам удалось выделить только 9 таких примеров. В основном это сведения о ранениях, болезнях, попадании в плен. Встретилось и указание на социальное происхождение героя. Так, в присланной из Военной коллегии промемории об отставном подпрапорщике Афанасии Салове было указано, что тот происходит «из шляхетства». В сказке Афанасий объявил, что его отец Петр был стряпчим. По-видимому, эту информацию Гаврилы Яковлев добавил для уточнения, так как чин стряпчего относился к московским и был достаточно статусным.

Обобщая все полученные данные, заключим, что нельзя выделить какой-то один признак, объясняющий нам, почему информация одних сказок попадала в экстракт, а других — нет. Нестандартные сведения периодически появлялись в экстрактах в течение всего года, их можно обнаружить и у потомков городских дворян, и у потомков царедворцев, хотя чаще у вторых. Никакого влияния армейских званий на включение в экстракт особых свидетельств также не обнаружено. Все это заставляет еще раз задуматься о субъективном факторе: о той коммуникации, которая происходила между Гаврилой Яковлевым и отставными офицерами. Может быть, составляя экстракт, канцелярист вспоминал подававшего ему сказку человека, желая помочь успешно решить волнующий того вопрос? Может быть, некоторые офицеры напрямую просили служащего Герольдии составить более комплиментарный экстракт, возможно, и за денеж-

ное вознаграждение? А может быть — этого нельзя исключать — Гаврила Яковлев добавлял информацию о ранениях, просто потому что ему этого хотелось? В любом случае делал он это не часто. Очень многие эпизоды, приведенные офицерами в сказках, в этих же сказках и оставались.

Е. В. Акельев в монографии «Русский Мисопогон» писал: «...власть в петровской России следует рассматривать не как довлеющую над людьми силу государственных учреждений или политической идеологии, но как эмпирику реального взаимодействия конкретных людей, помещенных в их повседневный контекст»²⁶. Каким же мы увидели повседневное взаимодействие отставных офицеров и служащих Герольдмейстерской конторы?

В первую очередь бросается в глаза достаточно большой элемент случайности. Срок, в который будет решено дело, возможность донести до сенаторов необходимость принятия решения в свою пользу — все это зачастую зависело от не контролируемых отставным офицером факторов. Когда произойдет следующий доклад герольдмейстера в Сенат? Какую информацию поместит в экстракт канцелярист? Примут ли эту информацию во внимание сенаторы?

Выявленные в работе отличия сказок действующих и отставных офицеров демонстрируют, что отставникам первой трети XVIII в. в коммуникации с властью приходилось использовать как язык новой эпохи, поощрявший заслуги и доблести, так и язык челобитных XVI–XVII вв., где добродетелями являлись перенесенные на государевой службе тяготы. Тем не менее, учитывая приписки о ранениях, сделанные отставными офицерами и трактуемые нами как свидетельство стремления следовать канону, с осторожностью предположим, что отставники имели представление, какие сведения о себе и в какой момент карьеры следовало сообщать для получения наиболее удовлетворяющего их решения.

Отдельного упоминания заслуживает влияние служащих Герольдии на решение дела. Факт того, что в течение трех лет вопросами отставных офицеров занималось три разных человека, имеющих разные подходы к составлению шедшего к сенаторам документа, заставляет задуматься о роли бюрократии в управлении петровской Россией.

О. В. Новохатко применительно к Разряду второй половины XVII в. отмечала, что большая часть кадровых вопросов, касающихся служилых людей по Отечеству, а также решения по подписным челобитьям принимались в самом приказе, без рассмотрения в Думе²⁷.

Отношения Герольдии и Сената были несколько иными. Служащие конторы только готовили справки, решения же принимали сенаторы. Тем не менее, если брать во внимание перегруженность Сената мелкой управленческой работой, значительно возросшей после создания Верховного Тайного совета, взявшего в свою компетенцию стратегические вопросы, то становится очевидным, что решения сенаторов во многом опирались на полученные из контор сведения. Таким образом, влияние служащих Герольдии на принятие итоговых решений оставалось сильным.

- ¹ См., например: *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997; *Новохатко О. В.* Разряд в 185 году. М., 2007; *Редин Д. А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ. Екатеринбург, 2007.
- ² *Захаров А. В.* Информативность и состав массовой документации Генерального смотра дворянства 1721–1723 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 4. С. 38–46.
- ³ *Бабич М. В.* Манифест об ограничении сроков дворянской службы 1736 г. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 81–102.
- ⁴ *Фаизова И. В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999.
- ⁵ *Fedyukin I.* Nobility and Schooling in Russia, 1700s–1760s: Westernization of an Elite as a Social Process // *Journal of Social History*. Vol. 49, № 3. P. 558–584.
- ⁶ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 286. Оп. 1. Д. 82. Л. 1–185.
- ⁷ Там же. Д. 70. Л. 13–17, 57 об. — 58.
- ⁸ Там же. Л. 69.
- ⁹ Там же. Л. 19.
- ¹⁰ Там же. Л. 52.
- ¹¹ *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 168.
- ¹² РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 82. Л. 142.
- ¹³ Там же. Л. 137.
- ¹⁴ «Великий лом и опухоль в ногах», которые, скорее всего, свидетельствовали о хронической сердечной недостаточности, «головная болезнь, от которой великий лом и левым глазом ничего не видит», что, скорее всего, было связано с недостаточным кровоснабжением сосудов головного мозга, «гортанью идет кровь», что, скорее всего, указывало на пулевое ранение, полученное в прошлые годы. См.: *Новохатко О. В., Кравченко А. А., Кузнецова П. И.* Болезни служилых людей по отечеству во второй половине XVII — начале XVIII в. (по материалам записных книг челобитным об отставке) // Историк и гражданин: сборник научных работ по истории России позднего Средневековья и Нового времени к 85-летию В. А. Артамонова. М., 2025. С. 111–139; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 82. Л. 105.
- ¹⁵ К примеру, из 416 офицеров-отставников, подавших сказки в Герольдию в 1726–1731 гг. 81 чел. (19 %) не имели крестьян вообще, 75 чел. (18 %) — имели меньше 20 крестьян. См.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 84.
- ¹⁶ Так, например, потомки царедворцев могли претендовать на должности провинциальных управителей высокого ранга (провинциальных воевод, их товарищей, камеринов) или ассессоров центральных коллегий. Городовые дворяне чаще всего оказывались на должностях земских комиссаров, ассессоров надворных судов, всевозможных надзирателей (за корабельными лесами, за винокуренными заводами и др.). Выходцы из неслужилых групп населения, как правило, становились надзирателями у соляной или питейной продажи, караульными и посыльными при губернских канцеляриях.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 82. Л. 130.
- ¹⁸ Там же. Л. 79.
- ¹⁹ Там же. Л. 91.
- ²⁰ Там же. Д. 79. Л. 45.
- ²¹ Там же. Д. 82. Л. 60–62.
- ²² Там же. Л. 94 — 94 об.
- ²³ Там же. Л. 171–172.
- ²⁴ *Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Т. 1 / Под ред. К. В. Тарникова.* М., 2015. С. 1281–1322.
- ²⁵ Вряд ли можно утверждать, что отставники, пришедшие в Герольдмейстерскую контору, на самом деле не совершали подобных героических действий. Почти все полки, где слу-

жили офицеры, активно участвовали в кампаниях Северной войны, а также в Прутском и Персидском походах.

²⁶ Акельев Е. В. Русский Мисопогон: Петр I, бранобритие и десять миллионов «москвитов». М., 2022. С. 19.

²⁷ Новохатко О. В. Разряд в 185 году. С. 582.

References

Akelyev, E. V. *Russkii Misopogon. Petr I, bradobritie i desyat' millionov moskovitov* [Russian Misopogon. Peter I, Barbering, and Ten Million Muscovites. In Russ.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2022, 624 p.

Anisimov, E. V. *Gosudarstvennye preobrazovaniya i samodержavie Petra Velikogo v pervoi chetverti XVIII veka* [State Reforms and the Absolutism of Peter the Great in the First Quarter of the 18th Century. In Russ.]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin publ., 1997, 331 p.

Babich, M. V. Manifest ob ogranichenii srokov dvoryanskoj sluzhby 1736 g. [Manifesto on the Limitation of Terms of Noble Service in 1736. In Russ.]. In Erren, L., Petrukhintsev, N. N. (eds.). *Pravyashchie elity i dvoryanstvo Rossii vo Vremya i posle petrovskikh reform (1682–1750)*. Moscow, ROSSPEN publ., 2013, pp. 81–102.

Demidova, N. F. *Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII veka i ee rol' v formirovanií absolutizma* [The Service Bureaucracy in 17th Century Russia and its Role in the Formation of Absolutism. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1987, 225 p.

Faizova, I. V. “Manifest o vol'nosti” i sluzhba dvoryanstva v XVIII stoletii [“The Manifesto of the Freedom of Nobility” and the Service of the Nobility in the 18th Century. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1999, 222 p.

Fedyukin, I. I. Nobility and Schooling in Russia, 1700s–1760s: Westernization of an Elite as a Social Process. In *Journal of Social History*. 2016. Vol. 49, no. 3, pp. 558–584. DOI: 10.1093/jsh/shv055

Novokhatko, O. V. *Razryad v 185 godu* [Razryadny Prikaz in 185. In Russ.]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli publ., 2007, 640 p.

Novokhatko, O. V., Kravchenko, A. A., Kuznetsova, P. I. *Bolezni sluzhilykh lyudei po otechestvu vo vtoroi polovine XVII — nachale XVIII vv. (po materialam zapisnykh knig chelobitnym ob otstavke)* [Diseases of Military Personnel in the Fatherland in the Second Half of the 17th — early 18th Centuries (Based on the Materials of the Notebooks of Petitioners of resignation). In Russ.]. In Malov, A. V. (ed.). *Istori i grazhdanin: sbornik nauchnykh rabot po istorii Rossii pozdnego Srednevekovya i Novogo vremeni k 85-letiyu V. A. Artamonova*. Moscow, Fund Russkiye Vityazi publ., 2025, pp. 11–139.

Redin, D. A. *Administrativnye struktury i byurokratiya Urala v epokhu petrovskikh reform* [Administrative Structures and Bureaucracy of the Urals in the Era of Peter the Great's Reforms. In Russ.]. Ekaterinburg, Volot publ., 2007, 500 p.

Zakharov, A. V. Informativnost' i sostav massovoi dokumentatsii General'nogo smotra dvoryanstva 1721–1723 godov [Informative Content and Composition of the Mass Documentation of the General Review of the Nobility of 1721–1723. In Russ.]. In *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2021. No. 4, pp. 38–46.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Г. К. Всеволожский. Отставные офицеры Петровской армии и Герольдмейстерская контора Сената: условия и характер взаимодействия // Петербургский исторический журнал. 2026. № 2. С. 40–50. DOI 10.51255/2311–603X_2026_2_40

Аннотация: В представленной статье исследуется коммуникация между отставными офицерами Петровской армии и Герольдмейстерской конторы Сената, учреждения, занимавшегося учетом служилого населения России в XVIII в. Изучаются как условия коммуникации, ее причины, место и длительность, так и характер коммуникации, возможность офицеров повлиять на удовлетворяющее их решение. В качестве источников использованы книга дел и сказки отставных офицеров Герольдии за 1727 г., а также сказки, собираемые Военной коллегией в 1720–1721 гг. Основой методологии является «новая история государственных учреждений». Подход, рассматривающий существенные характеристики работы государственных органов, признающий важность повседневных канцелярских практик и изучающий взаимодействие человека и государства как сложную мозаику разнонаправленных интересов. В результате исследования были получены следующие результаты. Поход в Герольдию для офицеров был значимым. В сказках Герольдии, на основе которых частично создавались экстракты, они всячески старались показать себя «старыми и дряхлыми», получившими множество ран во время службы. В более ранних сказках, собранных Военной коллегией, сетований на раны меньше, имеются упоминания доблестей. Срок решения дела для каждого офицера был индивидуальным, но в среднем составлял 1 месяц. Служащие Герольдии в четверти случаев добавляли в экстракты сведения о заслугах офицеров. Чаще всего они брали из сказок информацию о возрасте, грамотности, имущественном положении отставника.

Ключевые слова: Петр I, Герольдия, история государственного управления, Россия в XVIII в., офицеры Петровской армии, отставные офицеры, учет служилого населения.

FOR CITATION

G. K. Vsevolozhskii. Retired Peter the Great's Army Officers and the Heraldry Office: The nature and conditions of interaction // Petersburg Historical Journal, no. 2, 2026, pp. 40–50. DOI 10.51255/2311–603X_2026_2_40

Abstract: This article examines the communication between the retired Peter the Great's Army officers and the Heraldry Office that kept records of the Russian military population in the 18th century. The present study focuses on the nature, causes, place and duration of this intercommunication, the context around it as well as the officers' abilities to influence the institution's decisions in order to meet their needs. The main sources employed in the research are the Heraldry's case book and the "skazkas" of the retired officers, all written in 1727. The methodology is based on the "new history of government" approach which considers the essential characteristics of the work of government agencies, recognizes the importance of everyday clerical work and studies the interaction of men and state as a complex mosaic of diverse interests. The analysed data demonstrates that visits to the Heraldry Office were significant for all the officers. The "skazkas", which partially served as the basis for extracts, reflect that they tried in every possible way to depict themselves as "old and decrepit" and share that they had suffered many wounds during their military service. In comparison, there are fewer complaints about wounds and more references to valor in earlier "skazkas" collected by the College of War. In a quarter of cases the Heraldry Office staff added information about the officers' merits to the extracts. Often "skazkas" provided valuable details about the age, literacy, and financial status of the retired person. Although the time limit for completing the case could be different for each officer, predominantly it was 1 month.

Key words: Peter I, Heraldry Office, history of Government, Russia in the 18th century, officers of Peter the Great's Army, retired officers, Account of the serving population.

Автор: **Всеволожский, Георгий Константинович** — аспирант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; преподаватель, НИУ Высшая школа экономики (Екатеринбург, Россия).

Author: **Vsevolozhskii, Georgii Konstantinovich** — postgraduate student, First President Yeltsin Ural Federal University; professor, Higher School of Economics (Ekaterinburg, Russia).

E-mail: goshavs@mail.ru

ORCID: 0009-0003-6924-6914